

УДК 930.1(476)«193/194»

НАПИСАНИЕ УЧЕБНИКА ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ «БОРЬБЫ НА ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ» (1930–40-е гг.)

В. В. ЯНОВСКАЯ¹⁾, О. А. ЯНОВСКИЙ²⁾

¹⁾Институт истории Национальной академии наук Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Республика Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Рассматривается период с 1934 по 1945 г., когда белорусскими историками было предпринято несколько попыток написать пособие по истории Беларуси («История Белоруссии», «Нарыс гісторыі Беларусі», «История БССР»). Прослежен сложный путь создания обобщающей работы, которая и по названию, и по форме издания, а тем более по научной составляющей содержания за короткое время претерпела существенные изменения. Отмечено, что эта работа планировалась то как учебник для школ и учреждений высшего образования, то как некое обобщающее исследование в нескольких томах или частях, то как однотомное издание. Показано, что в условиях предвоенного времени написание учебника по истории БССР приобрело ярко выраженный политический характер, а в годы Великой Отечественной войны, несмотря на тяжелейшие условия и кадровые потери, работа не только не остановилась, но ей был придан сильнейший импульс. На основе архивных материалов, документов из личных фондов В. И. Пичеты и В. Н. Перцева представлены обстоятельства переплетения творческих исканий историков в постижении прошлого белорусов и неоднозначных, менявшихся партийно-идеологических установок.

Ключевые слова: история БССР; учебник; белорусские историки; идеологические установки; Вторая мировая война; В. И. Пичета; В. Н. Перцев; БГУ; Академия наук БССР.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственной программы научных исследований 2016–2020 гг. «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (подпрограмма № 1 «История и культура»).

WRITING TEXTBOOK OF BELARUSIAN HISTORY IN CONDITIONS OF «STRUGGLE ON THE IDEOLOGICAL FRONT» (1930–40s)

V. V. YANOUSKAJA^a, A. A. YANOUSKI^b

^aInstitute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Academic street, 1, 220072, Minsk, Republic of Belarus

^bBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Corresponding author: helgoleg@mail.ru

Article is devoted to the attempts of Belarusian historians to create textbook on Belarusian history under different titles, made by them in 1934–1945. The difficult fate of this comprehensive work is traced: the book undergone significant changes within short period in title, type of publication, not to mention scientific approaches and contents. Planned publications' types varied from school and university textbooks to summarizing work in one or several volumes. In conditions of pre-war period the very preparation of such work has received strong political character. During the Great Patriotic War the work not

---

Образец цитирования:

Яновская В. В., Яновский О. А. Написание учебника истории Беларуси в условиях «борьбы на идеологическом фронте» (1930–40-е гг.) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 1. С. 32–40.

For citation:

Yanouskaja V. V., Yanouski A. A. Writing textbook of Belarusian history in conditions of «struggle on the ideological front» (1930–40s). *J. Belarus. State Univ. Hist. Sci.* 2017. No. 1. P. 32–40 (in Russ.).

Авторы:

Валентина Васильевна Яновская – кандидат исторических наук, доцент; заведующий отделом историографии и методов исторического исследования.

Олег Антонович Яновский – кандидат исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории России исторического факультета.

Authors:

Valiantsina Yanouskaja, PhD (history), docent; head of the department of historiography and methods of historical research.

janval@mail.ru

Aleh Yanouski, PhD (history), full professor; head of the department of Russian history, faculty of history.

helgoleg@mail.ru

---

only hasn't stopped despite all the hardships and personnel losses, but even received serious boost. Details of how Belarusian historians' creative research in native history intertwined with questionable and changing political and ideological guidelines were revealed and demonstrated based on collision archival materials and private collections of academicians Vladimir Picheta and Vladimir Pertsev.

Key words: history of the BSSR; textbook; Belarusian historians; ideological guidelines; World War II; Vladimir Picheta; Vladimir Pertsev; Belarusian State University; Academy of Sciences of the BSSR.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the State program of researching works on the 2016–2020 years named «The economy and human development of the Belarusian society» within the subprogram No. 1 «History and culture».

Белорусская земля на протяжении всей своей письменной истории практически всегда первой среди восточнославянского мира подвергалась разрушительным ударам завоевателей. Нападение фашистской Германии на СССР 22 июня 1941 г. стало для нового поколения белорусов невиданной катастрофой, отразившейся во всех сферах их жизнедеятельности, в том числе на образовании и науке, которые, несмотря на огромные потери в кадровом потенциале за время репрессий, имели очевидные перспективы своего развития. Они и должны были демонстрироваться 24–28 июня 1941 г. на готовившейся юбилейной университетской научной сессии по случаю 20-летия Белорусского государственного университета – первой высшей школы БССР.

Среди докладчиков сессии были приглашены и историки, которые на тот момент еще не справились с выполнением масштабного, политически остро заданного отразить в национальных учебниках по истории для школ и учреждений высшего образования (УВО) официальную линию в понимании прошлого с ориентацией на матрицу, определенную для написания учебников по истории народов СССР лично Сталиным. Оказалось, что спешно создать труд по истории белорусов в рамках пока еще размытой логики было сложно и рискованно. Довлело и неутраченное гонение на так называемое нацдемовское прочтение истории, которое якобы пронизывало учебники, написанные в первое советское десятилетие белорусами В. М. Игнатовским, М. В. Довнар-Запольским, В. Ю. Ластовским и всецело «прикипевшим» к Беларуси В. И. Пичетой.

Однако вместо научных дискуссий и представления интеллектуальных находок исследователям пришлось испытать тяготы военного времени. Многие ученые воевали на фронтах, в партизанских отрядах, вливались в ряды подпольщиков, приближали победу в тылу. По оценке ректора БГУ П. П. Савицкого, который уже после войны в Москве защитил кандидатскую диссертацию, посвященную анализу потерь Беларуси за время фашистского оккупационного режима, только в июне 1941 г. около 450 представителей коллектива университета (из них почти 50 преподавателей) были призваны в Красную армию [1, л. 6–14].

Война разбросала и без того немногочисленные научные кадры БССР. Но вопрос о создании учебника по истории не откладывался до победы над врагом, а еще более актуализировался в военное время. Многогранный путь, которым шли ученые, и ранее был напрямую связан с «политической необходимостью». На существенные парадигмы учебника, равно как и на судьбы его авторов и их постоянную ротацию, оказывали сильнейшее воздействие «борьба на идеологическом фронте», советско-немецкие и советско-польские отношения 1930-х гг., явная фронтность Беларуси в масштабах СССР, а также собственно необходимость выявить в истории белорусов национальную составляющую при одновременной ее гармонизации с интернационально-советской, а главное – русской историей. На это нацеливали политически заостренные названия школьных и университетских курсов – «История СССР» и «История народов СССР».

Обратим более пристальное внимание на обстоятельства предвоенных лет. Фактически работа над новым учебником по истории БССР вернулась с начала 1930-х гг. Эту задачу призваны были решить ученые Института истории Белорусской академии наук (БАН), оформившегося уже в 1929 г., и исторического факультета БГУ, созданного в 1934 г. В условиях острой нехватки кадров большинство историков совмещали работу в обоих учреждениях. Так, первый декан исторического факультета БГУ и он же вице-президент БАН, а также заместитель директора Института истории БАН В. К. Щербаков в отчете о работе факультета в 1936 г. отметил, что большинство преподавателей – сотрудники БАН (в том числе два академика). При этом он озвучил печальную статистику: на май 1936 г. в БССР насчитывалось всего лишь 63 историка, уровень профессионализма которых «зусім не задавальняе» [2].

Содержание учебника должно было окончательно развенчать так называемое нацдемовское прочтение белорусской истории, осуществленное, по мнению идеологов, в 1920-х гг. В работе предполагалось предугадать еще только формирующиеся в кремлевских стенах тезисы-установки на усвоенные истории народов СССР. Одновременно учебник должен был стать неким образцом для всякого

исследования по конкретной тематике и тем самым пресечь возможные искажения и вольную интерпретацию тех или иных сюжетов.

Для конкретизации плана действий в начале 1935 г. была созвана 1-я Всебелорусская конференция историков, организованная БГУ и Институтом истории БАН. Конференция собрала более 100 ученых республики. В ней также участвовали приглашенные историки из Москвы, Ленинграда и Харькова. Все признали главной задачей на ближайшие годы написание учебников по истории БССР и краткой истории КП(б)Б. В качестве их основы еще на стадии подготовки к конференции был назван недавно изданный том хрестоматии по белорусской истории¹. На важность данной работы вскоре указал историкам председатель СНК БССР Н. Н. Голодед, специально принявший их делегацию.

Осуществлять государственное задание были призваны историки недавно созданных научных структур – кафедры истории народов СССР БГУ и секторов Института истории БАН, в практике работы которых белорусская история выступала в качестве самостоятельного предмета преподавания и научных исследований, хотя и рассматривалась непременно в контексте истории СССР. Дефицит историков-белорусистов вынуждал Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) БССР искать специалистов в России, хотя такой путь не всегда оправдывал ожидания. Связано это с тем, что российские историки, как не раз отмечалось в университетских отчетах, могли исполнять свои обязанности, только периодически приезжая в Беларусь (например, так мог работать в БГУ назначенный заведующим профильной кафедрой В. В. Мавродин) [3; 4, л. 61]. Не сразу продвинулось дело и после приглашения на университетскую кафедру уроженца Перми молодого ученого-россиеведа А. П. Пьянкова.

Первыми членами авторского коллектива по написанию учебника являлись главным образом белорусские исследователи: В. К. Щербаков, Е. И. Корнейчик, А. Н. Лявданский, К. И. Керножицкий, И. Т. Пшеничный, И. Ф. Лочмель, Д. А. Дудков и др. Для консультаций в БГУ и Институт истории БАН приглашались ученые из Москвы и Ленинграда: М. Г. Седов, В. В. Мавродин, К. В. Базилевич, Е. А. Мороховец, В. Н. Бочкарев и др. [4, л. 10, 18, 54]. Однако результата достичь так и не удалось.

В 1937 г. белорусские историки подверглись жестоким репрессиям, выжить после которых удалось далеко не всем. Уцелевшие ученые пытались освоить новые парадигмы, разрушить стереотипы, навязанные школой Покровского. За короткое время укрепилось новое осознание того, какой должна быть история БССР. Этому способствовали издания учебника «Краткий курс истории ВКП(б)» и разработка

программы так называемого линейного преподавания истории в школе, согласно которой в третьих и четвертых классах должен был изучаться элементарный курс истории СССР. Наконец, одобренный и даже отредактированный лично Сталиным, в 1937 г. вышел учебник «Краткий курс истории СССР», изданный под редакцией А. В. Шестакова. Разумеется, назидательными были и судьбы российских коллег, не сумевших освоить сталинские установки, в частности С. А. Пионтковского, отмеченного не только своим научным авторитетом, но и причастностью к преподаванию в БГУ в начале 1920-х гг. [5, с. 343, 353–357; 6, с. 237–239, 245, 249–251].

Организационная и исследовательская работа перед началом Великой Отечественной войны так и не была завершена. Оказалось, что соавторы во многом по-разному понимали включенность истории БССР в историю народов СССР на различных этапах, несмотря на то, что власть уже признала несколько вариантов прочтения последней и были изданы не только школьные, но и университетские учебники. Перманентные дискуссии на научно-идеологической почве, которые постоянно велись в БССР, приводили лишь к перетасовкам в авторском коллективе и напряженности в личных отношениях ученых, не говоря уже об абсолютной подчиненности научного творчества историков постоянно менявшимся установкам отдела пропаганды ЦК КП(б)Б, работники которого сами все активнее включались в работу над текстом.

Однако, как показал дальнейший ход событий, идеологически выверенное прочтение белорусской истории могли осуществить лишь новые кадры, которые еще следовало подготовить. Кроме того, пришлось задействовать историков, которые рекомендовали себя не как специалисты в области истории Беларуси, а как ученые, понявшие властные установки и способные оперативно на них реагировать. Но были нужны и звучные имена среди рядовых членов авторского коллектива, поэтому обращение за помощью к настоящим ученым старой выучки – В. И. Пичете, очевидно сломленному ссылкой, А. А. Савичу, который хотя и избежал прямых репрессий, но был серьезно гоним и в 1920-х, и в 1930-х гг., – представлялось для партийного и научного руководства БССР несколько рискованным, но вынужденным шагом в решении столь важного вопроса.

В результате 27 сентября 1938 г. недавно назначенный директор Института истории Академии наук БССР Н. М. Никольский в дружеском письме к В. И. Пичете, ссылаясь на поручение президента академии К. В. Горева, писал своему давнему коллеге и товарищу следующее: «Академия наук БССР считала бы огромным приобретением для обеспечения ее работы, если бы Вы согласились

¹ См.: Звезда. 1934. 6, 9, 10 студз.

вернуться в среду научных работников академии. Конкретно мы желали бы, чтобы Вы взяли на себя руководство секцией истории СССР и БССР Института истории. <...> Кроме того, мы хотели бы, чтобы [Вы] взяли на себя также руководство аспирантурой по истории СССР и БССР. <...> Прибавлю к этому, что работники секции истории СССР и БССР являются горячими сторонниками этого проекта и желают скорейшего его осуществления. О моем настроении говорить не буду – Вы сами его понимаете...» [7, л. 15]. Внезапный переход Н. М. Никольского на эзопов язык и авторское отточие в последней фразе можно оценить как свидетельство его серьезных проблем на ответственном посту директора, в том числе проблем в работе над учебником. Однако письмо завершается донельзя политкорректно: «Для Вашего сведения сообщаю, что сейчас секция заканчивает составление I части учебника истории Белоруссии для средней школы, а на 1939 г. запроектировано составление II части этого учебника и составление I части учебника для вузов. Я буду бесконечно счастлив, если опять буду работать рука об руку с Вами, на победу и славу Сталинской передовой науки!» [7, л. 15].

Обратим внимание на указанный факт масштабности запланированной работы: одновременно шла подготовка учебников и для средних школ, и для УВО. Однако в скором времени слово «учебник» перестало конкретизироваться своей предназначенностью, что можно расценить как намерение (либо установку) создать текст с неким образцовым прочтением и осмыслением прошлого белорусов, а уж потом разделить его по сферам употребления.

Однако ожидания скорого завершения работы в очередной раз не оправдались, хотя, например, В. И. Пичета, не щадя себя, напряженно работал над подготовкой своей части коллективного текста. Академия наук БССР (по большому счету, лично Н. М. Никольский) в значительной степени рассчитывала на ученого, совершенно объективно видя в нем крупнейшего знатока практически всех периодов и белорусской, и украинской, и, что было наиболее важным, российской истории. В данном отношении особую ценность имел отзыв о его научной деятельности, который, вероятно, по запросу Института истории Академии наук БССР дал А. А. Савич – «профессор по кафедре истории народов СССР Московских педагогических институтов: имени К. Либкнехта, имени Бубнова и Городского», как он сам подписал свою многостраничную оценку [8, л. 20–27]. Профессор четко выделил круг проблем, в которых В. И. Пичета наиболее преуспел как авторитетный историк. В их числе были названы и такие темы, как история Белоруссии и Литвы и история народов СССР XVI–XX вв. [8, л. 20].

И все же тень «нацдемовского» и «великодержавного» прошлого незаурядного ученого постоянно

сопровождала его. Так, вопиющую ситуацию, случившуюся уже в 1942 г., описал Даниил Мицкевич – сын известного белорусского писателя Якуба Коласа. Во время пребывания в эвакуации в Ташкенте один из лидеров КП(б)Б И. Ф. Климов с очевидным намеком «пошутил» при случайной встрече с В. И. Пичетой: «Ну ты, стары <...> у цябе яшчэ не ўсе валасы павылазілі?» [9, с. 109]. Якуб Колас попытался несколько сгладить ситуацию. Позже в доверительном письме к нему Владимир Иванович не только слал привет писателю и его «ласковой семье», но и жаловался на моральную и физическую усталость от напряженной научной работы [10, с. 334].

В конце 1942 г. В. И. Пичета конкретизировал суть этой работы в письме секретарю ЦК КП(б)Б по пропаганде Т. С. Горбунову. Историк подробно изложил свое видение структуры учебника «История Белоруссии», хотя преимущественно положительно оценил программу, утвержденную Наркомпросом БССР еще до войны. Ее реализация, как указывалось в письме, была завершена в 1940 г. Однако военное время, по мнению Владимира Ивановича, требовало внести некоторые коррективы в эту программу: «...усилить первоначальную общность славян <...> показать, что Белоруссия – авангард русского народа в борьбе против завоевателей <...> ослабить антипольский характер веков XVI–XVIII» [11, л. 65] и др. При этом тон письма историк избрал явно подобострастный и просительный. В отношении учебника «История Белоруссии» профессор буквально умолял партийного идеолога дать «последние замечания», чтобы первый том скорее вышел. Со своей стороны ученый обязывался «по указанию ЦК БССР выполнить любую работу по истории белорусского досоветского периода» и назвал 32 темы по древней и новейшей истории Беларуси, которые был готов лично развернуть в виде отдельных брошюр объемом «от двух до четырех печатных страниц» (т. е. печатных листов. – Авт.) [12, л. 66].

К чести Т. С. Горбунова, он вскоре дал свои (а фактически партийно-установочные) «последние замечания» (он все-таки, хоть и заочно, окончил исторический факультет БГУ). Профессор В. И. Пичета мог приступить к внесению правок, так как имел в своем распоряжении один из немногих машинописных экземпляров первого тома учебника «История Белоруссии» объемом 1,5 тыс. страниц, о чем упомянул Т. С. Горбунов в предновогоднем приветственном письме, посланном 26 декабря 1942 г. из Москвы в Ташкент Якубу Коласу [12, с. 109–110].

По поручению президента Академии наук БССР К. В. Горева историк занялся не только внесением правок, но и работой над продолжением текста первого тома – написанием учебника «История Белоруссии 1861–1914 гг.». Официально это поручение было озвучено руководителем белорусских ученых

на сессии Академии наук БССР в Казани. Якубу Коласу доверили курировать этот проект. Однако уже в скором времени Владимира Ивановича охватило смятение, отразившееся в его письме от 12 мая 1943 г. в Президиум Академии наук БССР. Ученый был вынужден признать, что «специалистов по истории Белоруссии вообще нет» [11, л. 67], и он не знает, кто будет ее разрабатывать. Вместе с тем В. И. Пичета высказал свое возмущение передачей другому лицу части уже выполненной им работы. Историк признал определенную незавершенность текста, но заявил, что после внесения правок оставляет за собой право использовать его «по собственному усмотрению без всяких руководств и редакций малокомпетентных лиц», и подытожил: «Я никому не позволю использовать мой труд <...> ни Президиум Академии наук БССР, ни другие учреждения БССР не умеют ценить мои знания и мое желание отдать их Белоруссии. <...> Я являюсь специалистом по истории БССР и считаю других лиц малокомпетентными. Поэтому я не нуждаюсь в чьей бы то ни было редакции» [11, л. 67].

Подобную реакцию ученого, видимо, можно объяснить тем, что ему стал известен иной отклик Т. С. Горбунова на свое письмо. Вскоре последовала пространная оценка научного и политического кредо В. И. Пичеты, прозвучавшая в докладной записке Т. С. Горбунова, направленной первому секретарю КП(б)П П. К. Пономаренко. В августе 1943 г. Т. С. Горбунов информировал своего руководителя, также считавшегося историком, о положении дел с пониманием и написанием учебника «История Белоруссии». Исключительно В. И. Пичете были предъявлены претензии и за старые «грехи», и за выявленные в последних его работах новые «ошибки». Особенно партийное руководство республики возмутило содержание статьи ученого «История Белоруссии в советской историографии», опубликованной в 1942 г. в высокостатусной коллективной работе «Двадцать пять лет исторической науки в СССР», которую редактировали столь разные ученые, как В. П. Волгин, Е. В. Тарле и А. М. Панкратова [13]. Статья была оценена как очевидный возврат В. И. Пичеты на нацдемовские позиции в трактовке белорусской истории, попытка реанимировать как бы уже вычеркнутые из бытия имена А. Н. Ясинского, Ф. И. Забелло, А. В. Бурдейко, К. Н. Товстолес-Шионок, В. Д. Друщица, М. В. Мелешко, К. И. Кернажицкого и даже российского историка Д. А. Жаринова [14, л. 28]. Отметим, что большинство работ этих ученых до сих пор находятся вне поля зрения белорусской историографии. Поэтому при составлении очередного авторского коллектива по переписыванию уже много раз изменяемых текстов учебника по истории БССР Т. С. Горбунов испрашивал разрешения не вводить в него В. И. Пичету. При этом он просил П. К. Пономаренко лично включиться в работу,

обосновывая это следующим образом: «Нам известно, что у Вас имеются написанные целые очерки и фрагменты по истории Белоруссии, о белорусских деятелях. Все это может послужить для написания подлинной истории белорусского народа» [15, л. 467]. Были предложены следующие участники нового авторского коллектива: академик Никольский, Якуб Колас, профессор Добрынин, Горбунов, доценты Лочмель, Пьянков, Шекун, Поликарпович [15, л. 467–477].

На исходе Великой Отечественной войны эта партийная атака на донельзя измученного ученого продолжилась на самом высоком по меркам республики уровне. Владимир Иванович 21 октября 1943 г. в свой юбилейный день рождения попытался найти у первого секретаря ЦК КП(б)Б совета и защиты от развернувшегося гонения, отстранения от участия в подготовке учебника и буквально изгнания из Беларуси, написав ему письмо, в содержании которого звучал вопрос о возможности перехода на работу в Академию наук БССР. Однако историк благоразумно так и не отослал это письмо [16, л. 1–1 об.]. Как оказалось, ответ Владимиру Ивановичу в своеобразной форме был дан и выразился в учиненном разгроме всех научных позиций историка. На VI Пленуме ЦК КП(б)Б, который состоялся 29 марта 1945 г., П. К. Пономаренко в своем докладе как бы ответил на письмо-обращение к нему ученого. С трибуны партийного форума было заявлено, что и без В. И. Пичеты «учебник по истории в ближайшее время будет». При этом П. К. Пономаренко, совершенно опровергая самого себя и суть положений в критике Владимира Ивановича, буквально пропел оду «героическому белорусскому народу» и его истории как особенной, исключительно значимой и сравнимой с историей всех прочих народов, в том числе русского [17, л. 28].

Вскоре после победного завершения Великой Отечественной войны в августе 1945 г. в Москве было проведено 4-е Всесоюзное совещание руководителей кафедр общественных наук. Впервые на нем присутствовали заведующие кафедрами истории СССР. Слово было предоставлено и Владимиру Ивановичу. В его выступлении (как и в докладах некоторых других участников) обращалось внимание на отдельные сюжеты белорусской истории, но лишь в контексте исключительной роли «русского народа в исторических судьбах славянских народов» [18, с. 204]. Правда, Владимир Иванович позволил себе назвать ряд аспектов, на которые ранее не обращалось надлежащего внимания: например, он отметил, что «предел агрессии немецких феодалов» был обозначен не только на Чудском озере, но и под Грюнвальдом [18, с. 204–206]. Для победного 1945 г. такая констатация была естественной, указывала на связи в истории народов СССР. Вот только как проследить их по всему необъятному прошлому, как

выделить одно и умолчать о другом, как сохранить науку в объятиях политики и идеологии – эти вопросы по-прежнему для историков оставались нерешаемой проблемой.

Спустя некоторое время массивная атака высоких партийных инстанций заставила В. И. Пичету смягчить свою позицию и даже выразить согласие на предоставление в Институт истории Академии наук БССР части рукописи учебника. По крайней мере, об этом можно судить, исходя из содержания письма, посланного ему Н. М. Никольским в Москву 12 декабря 1946 г. Однако в этом письме одновременно с упоминанием о проявленной конструктивной позиции коллеги было выражено недоумение очередным несогласием Владимира Ивановича прийти на выручку минским историкам. Со ссылкой на А. М. Панкратову директор Института истории Академии наук БССР утверждал и одновременно вопрошал: «Вы в большой обиде на “Белоруссию” и не собираетесь давать нам своих глав» [19, л. 2]. При этом Н. М. Никольский как бы оправдывался в том, что семь глав одного тома учебника «История БССР» передали для подготовки другому автору, хотя они уже были написаны В. И. Пичетой. По утверждению директора института, Владимир Иванович Пичета никак не откликнулся на предыдущие письма с просьбой срочно выслать в Минск эти главы, а в июльском полугодовом отчете 1946 г. будто бы даже выразил свое сомнение в том, нужны ли они институту [19, л. 2].

Это письмо несколько проясняет и измененную стратегию в выполнении столь затянувшейся важной работы. В нем речь идет всего лишь о семи главах, подготовленных В. И. Пичетой для однотомника, тогда как ранее от профессора пытались получить работу объемом полторы тысячи страниц – часть запланированных в довоенные годы трех выпусков белорусской истории. Интригующим является краткое упоминание В. И. Пичеты в названной выше его статье 1942 г. о том, что Институт истории Академии наук БССР сумел уже в 1941 г. опубликовать первую часть книги «Нарысы па гісторыі Беларусі», в которой представлена «первая история Белоруссии, начиная от первобытно-общинного строя до упадка Польско-Литовского государства» [13, с. 181]. Историк высказывал сожаление о том, что «во время варварского фашистского погрома Минска все отпечатанные экземпляры погибли, и сохранились лишь несколько экземпляров этой ценной книги» [13, с. 181]. Эта реплика тиражируется в некоторых историографических работах, но пока никто из белорусских исследователей не смог прикоснуться к упомянутым сохранившимся экземплярам.

Вновь отметим, что в условиях войны историки были обязаны сделать то, что не смогли ранее, и даже превзойти намеченное. Для них открыва-

лись новые горизонты. Они должны были стать летописцами, аналитиками и интерпретаторами текущих событий, которые, будучи вписанными в учебник, служили бы величественным апофеозом всей предшествующей истории. Однако к исполнению обновленных планов возможно было привлечь лишь совершенно истонченный кадровый потенциал, когда все громче о себе заявляло поколение вчерашних студентов, прошедших дорогами войны. Победы под Сталинградом и на Курской дуге абсолютно конкретизировали задачи.

Обстоятельства и коллизии, возникшие при написании учебника «История Белоруссии» и связанные с именем В. И. Пичеты, с несколько иной стороны раскрываются при изучении документов, отражающих роль в данном процессе еще одной знаковой для советской белорусской исторической науки личности – В. Н. Перцева. В отсутствие Н. М. Никольского, который оказался в оккупированном Минске (его лишь к 1944 г. партизаны и подпольщики смогли вывезти из города в партизанскую зону, а затем Москву), именно В. Н. Перцев был привлечен к руководству выполнением партийного задания. Незаурядный медиевист посмотрел на ситуацию по-своему, исходя из условий и возможностей военного времени, и предложил конкретные пошаговые действия, которые были изложены им в докладной записке в ЦК КП(б)Б, направленной в высший партийный орган 1 ноября 1943 г. Новоназначенный секретарь-академик Отделения общественных наук Академии наук БССР назвал архиважные проблемы, которые следовало незамедлительно решить: издание брошюр, посвященных замечательным людям прошлого и настоящего Беларуси; переработка 1-й части учебника по истории БССР (до 1861 г.) и «скорейшее осуществление частей 2-й и 3-й»; издание серии брошюр, посвященных разработке проблем, «выдвинутых в письме т. Гуторова к академикам и научным сотрудникам Отделения общественных наук АН БССР» [20, с. 86–87]. Среди этих брошюр предлагались следующие: «Извечная дружба славянских народов», «Формы проявления всеславянского движения в истории Европы», «Нацизм и фашизм как самая мрачная реакция внутренней и внешней политики в истории», «Совместная борьба белорусского и русского народов против немецкой агрессии» и т. д.

Владимир Николаевич указал на то, что в распоряжении ЦК КП(б)Б находится огромное количество материалов по истории Великой Отечественной войны, которые только частично подверглись обработке, поэтому, по мнению ученого, их полная систематизация и подготовка к печати могли быть осуществлены совместными усилиями Отделения общественных наук Академии наук БССР и отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б. Таким образом

следовало поступить и при выполнении других коллективных работ. Для этого планировалось создать четыре комиссии. Был предложен и их состав (Владимир Николаевич почему-то некоторые фамилии указал без инициалов): по изданию «Замечательные люди Белоруссии» – В. И. Пичета (председатель), А. П. Пьянков, Т. П. Ломтев, Д. А. Дудков, Добрынин; по изданию «Материалы по истории Великой Отечественной войны» – И. С. Кравченко (председатель), Стальнов, Купреев, И. В. Гуторов, Агиевич; по изданию «История Белоруссии» – Т. С. Горбунов (председатель), В. И. Пичета, А. П. Пьянков, Д. А. Дудков, Т. П. Ломтев, А. М. Панкратова, Добрынин, Шекун; по изданию, название которого не было конкретно определено автором записки, – В. Н. Перцев (председатель), И. В. Гуторов, А. П. Пьянков, Добрынин и др. [20, с. 87].

Как видим, историк на тот момент не вник в суть нарастающей обструкции со стороны ЦК КП(б)Б по отношению к В. И. Пичете (августовская записка Горбунова к Пономаренко просто могла быть не доведена до него по причине военных условий или же еще не принятого окончательного решения). Отметим, что среди названных фамилий с необозначенными инициалами в настоящее время удалось выявить интересный материал о причастности к белорусской проблематике московских ученых – историка Олимпиады Алексеевны Шекун и литературоведа Михаила Кузьмича Добрынина.

Далее, в своей записке В. Н. Перцев отмечал: «Ввиду того что первый том “Истории Белоруссии”, как выяснилось, нуждается в переработке, а остальные два тома еще в процессе работы, необходимо ускорить работу над осуществлением этих изданий» [20, с. 87]. Кроме реализации научных исследований, он предложил, чтобы сотрудники Отделения общественных наук Академии наук БССР приняли участие в разработке серии исторических романов, посвященных деятельности выдающихся людей Беларуси. Как планировалось, возглавить эту работу должен был Якуб Колас, а исполнять – белорусские поэты и прозаики Кондрат Крапива, Михась Лыньков, Михась Климкович и др.

Вместе с тем, реально оценивая ситуацию, Владимир Николаевич счел необходимым указать, что кадровый потенциал отделения слаб и «особенно плохо обстоит дело в группе историков» [20, с. 88]. Обратим внимание как раз на это обстоятельство. Крупный специалист в области европейской средневековой и новой истории не только очертил развернутый и крайне напряженный план ближайших изданий, но и сам был вынужден переквалифицироваться в историка-белорусиста. За предшествующую более чем 20-летнюю работу в Академии наук БССР, БГУ и других УВО БССР он не считал необходимым изменять своим научным приоритетам. В годы войны высокая академическая должность

и критическая ситуация с написанием столь долгожданного учебника заставили его активно включиться в процесс очередного нового прочтения белорусской истории.

Активность и инициативность В. Н. Перцева в попытках активизировать реализацию партийного задания в немалой степени обусловили представление его в 1944 г. к званию заслуженного деятеля науки БССР, а главное – включение историка в 1945 г. в состав делегации от БССР на конференцию ООН в Сан-Франциско. Уже по прошествии лет в характеристике ученого, подготовленной к его 80-летию, руководство Академии наук БССР сделало акцент на крупных научно-исследовательских работах по всеобщей истории и истории Беларуси юбиляра, подчеркивая, что «он руководил всей работой по написанию книги, он же является автором нескольких ее разделов и под его руководством редактировалась эта книга» [21, л. 57, 58].

Напряжение, сопровождавшее в годы войны работу белорусских историков, в 1946 г. наконец-то воплотилось в реально созданном творческом продукте – вышедшем в редакции политической литературы государственного издательства БССР с предисловием секретаря ЦК КП(б)Б Т. С. Горбунова учебнике «История БССР» [22]. Среди авторов этого массового издания (25 тыс. экземпляров) в лапидарном предисловии указаны Н. М. Никольский, К. М. Поликарпович, А. П. Пьянков и А. А. Савич. Читателю было заявлено, что это только начало и в 1946 г. будут напечатаны четыре выпуска данной системной истории, которые в сумме «должны охватить историю Белоруссии до начала XX в.», затем издание продолжится «отдельными выпусками по мере их подготовки к печати» [22, предисловие]. Однако эта 128-страничная работа так и не смогла стать достоянием даже аудитории специалистов по причине не столько своей научной примитивности, сколько из-за в очередной раз проявленной «ошибочности» в оценках и подходах. Учиненный в скором времени после выхода книги ее разгром на научном и политическом уровнях предал забвению данный вариант прочтения белорусской истории – забвению как современников, так и историографов.

Обобщая сказанное, можем констатировать, что осмысление белорусской истории, начатое в предвоенное десятилетие, осуществлялось и в годы войны, которая усилила идеологическую подоплеку с таким напряжением создававшейся синтетической работы. Ее завершение еще больше актуализировалось, а вместе с тем обострились научные и политические, личностные и общественные коллизии, которые и так все время сопровождали жизнь и работу историков. В условиях роста патристических настроений и акцента партийного руководства на просопографической составляющей

прошлого белорусские историки попытались найти спасение в создании упрощенного обобщения наследия белорусов – биобиблиографического словаря под условным названием «Выдающиеся люди белорусской земли». Однако этот замысел тихо угас в условиях очередного пересмотра приоритетов на «историческом фронте».

Лишь после многократного изменения на протяжении 1941–1953 гг. авторского коллектива и постоянной переоценки всех событий и фактов в 1954 г.

был наконец издан первый том учебника «История БССР» (второй том появился только в 1958 г.). Подробности этой работы заслуживают отдельного изложения: столь затянувшееся осмысление белорусской истории в очередной раз разъединило ее творцов разных поколений. История белорусов никак не могла вырваться из тенет советских реалий, представлений, идеологем, уровня познания, как и уровня общей моральности ученых, власти, общества.

Библиографические ссылки

1. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 4. Оп. 33а. Д. 667.
2. Акадэмік В. К. Шчарбакоў. Гістарычны факультэт // За ленинскія кадры. 1936. 31 мая. С. 2.
3. *Канстанцінаў Ф.* Непаваротлівасць // Звязда. 1938. 6 студз. С. 3.
4. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 670.
5. *Каценбоген С. З.* Белорусский государственный университет за 1921–1922 академ. год (итоги и перспективы) // Труды Белорусского государственного университета в Минске. 1922. № 2/3. С. 326–364.
6. *Каценбоген С. З.* Белорусский Государственный Университет за 1922–1923 академ. год (итоги и проблемы) // Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. 1923. № 4/5. С. 230–281.
7. Арх. Рос. акад. наук. Ф. 1548. Оп. 3. Д. 171.
8. Центр. науч. арх. Нац. акад. наук Беларуси. Арх. № 607. Личное дело академика Пичеты Владимира Ивановича.
9. *Мицкевич Д.* Любіць і помніць. Успамінае сын Якуба Коласа. Мінск, 2000.
10. Памяць і слава: першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – Уладзімір Іванавіч Пічэта / склад.: С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. Мінск, 2011.
11. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 4-п. Оп. 47. Д. 15.
12. Шляхам гадоў : гісторыка-літаратурны зб. Мінск, 1990.
13. Член-корреспондент Академии наук СССР В. И. Пичета. История Белоруссии в советской историографии // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М. ; Л., 1942. С. 179–188.
14. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 4-п. Оп. 61. Д. 492.
15. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 4-п. Оп. 47. Д. 25.
16. Арх. Рос. акад. наук. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 76.
17. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 63. Оп. 13. Д. 20.
18. *Плотникова Е.* Всесоюзное совещание руководителей кафедр общественных наук // Вопр. истории. 1945. № 5/6. С. 204–206.
19. Арх. Рос. акад. наук. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 88.
20. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт у гады Вялікай Айчыннай вайны. 1941–1945 / склад.: С. А. Балашэнка [і інш.]. Мінск, 2005.
21. Центр. науч. арх. Нац. акад. наук Беларуси. Арх. № 3505. Личное дело академика Перцева Владимира Николаевича.
22. История БССР. Минск, 1946. Вып. 1.

References

1. The Natl. arch. of the Repub. of Belarus. Fund 4. Regist. 33a. File 667 (in Russ.).
2. Akadjemik V. K. Shcharbakow. Gistarychny fakul'tjet [Akademik V. K. Scharbakou. History Department]. *Za leninskija kadry*. 1936. 31 May. P. 2 (in Belarus.).
3. Kanstancinaw F. Nepawarotlivasc' [Sluggishness]. *Zvjazda*. 1938. 6 Jan. P. 3 (in Belarus.).
4. The Natl. arch. of the Repub. of Belarus. Fund 205. Regist. 1. File 670 (in Russ.).
5. Katsenbogen S. Z. Belorusskii gosudarstvennyi universitet za 1921–1922 akadem. god (itogi i perspektivy) [Belarusian State University 1921–1922 academic year (results and prospects)]. *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta v Minske*. 1922. No. 2/3. P. 326–364 (in Russ.).
6. Katsenbogen S. Z. Belorusskii Gosudarstvennyi Universitet za 1922–1923 akadem. god (itogi i problemy) [Belarusian State University 1922–1923 academic year (results and prospects)]. *Pratsy Belaruskaga dzjarzhawnaga universiteta*. 1923. No. 4/5. P. 230–281 (in Russ.).
7. Arch. Russ. Acad. of Sci. Fund 1548. Regist. 3. File 171 (in Russ.).
8. Cent. sci. arch. of the Natl. Acad. of Sci. of Belarus. Arch. No. 607. Lichnoe delo akademika Pichety Vladimira Ivanoviča (in Russ.).
9. Mickevich D. Ljubic' i pomnic'. Uspaminae syn Jakuba Kolasa. Minsk, 2000 (in Belarus.).
10. Pamjac' i slava: pershy rjekar Belaruskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta – Uladzimir Ivanavich Pichjeta. Minsk, 2011 (in Belarus.).
11. The Natl. arch. of the Repub. of Belarus. Fund 4-п. Regist. 47. File 15 (in Russ.).
12. Shljaham gadow : gistoryka-litaraturny zb. Minsk, 1990 (in Belarus.).
13. Chlen-korrespondent Akademii nauk SSSR V. I. Picheta. Istoriya Belorussii v sovetskoj istoriografii. *Dvadsat' pyat' let istoricheskoi nauki v SSSR*. Moscow ; Leningrad, 1942. P. 179–188 (in Russ.).

14. The Natl. arch. of the Repub. of Belarus. Fund 4-п. Regist. 61. File 492 (in Russ.).
15. The Natl. arch. of the Repub. of Belarus. Fund 4-п. Regist. 47. File 25 (in Russ.).
16. Arch. Russ. Acad. of Sci. Fund 1548. Regist. 2. File 76 (in Russ.).
17. The Natl. arch. of the Repub. of Belarus. Fund 63. Regist. 13. File 20 (in Russ.).
18. Plotnikova E. Vsesoyuznoe soveshchanie rukovoditelei kafedr obshchestvennykh nauk [All-Union meeting of heads of departments of social sciences]. *Vopr. istorii*. 1945. No. 5/6. P. 204–206 (in Russ.).
19. Arch. Russ. Acad. of Sci. Fund 1619. Regist. 1. File 88 (in Russ.).
20. Pamjac' i slava: Belaruski dzjarzhawny universitjet u gady Vjalikaj Ajchynnaj vajny. 1941–1945. Minsk, 2005 (in Belarus.).
21. Cent. sci. arch. of the Natl. Acad. of Sci. of Belarus. Arch. No. 3505. Lichnoe delo akademika Pertseva Vladimira Nikolaevicha (in Russ.).
22. Istoriya BSSR. Minsk, 1946. Vol. 1 (in Russ.).

*Статья поступила в редколлегию 15.12.2016.
Received by editorial board 15.12.2016.*